

не может существовать, как не существует материя без движения» (Аврорин, 1975, 34). Однако большую неопределенность таит то, что нет однозначного понимания ни функций языка, ни форм его существования, ни сфер его использования (см. Шмелев, 1977, 5—16).

Сущностные характеристики языка связаны с ответом на вопрос: что есть язык? Если мы говорим, что язык — это средство общения, орудие формирования и выражения мысли, то этим мы приравниваем сущностные и функциональные свойства языка. Поскольку данные определения выступают в качестве функциональных, а не субстанциальных или атрибутивных, возникает противоречие субстанции, атрибута и функции в применении к данному объекту. Субстанциальная характеристика языка как материально-идеального образования и атрибутивная характеристика его как знакового образования покрываются полностью функциональными характеристиками и, более того, существуют на их основе. Иными словами, противоречие субстанции, атрибута и функции в применении к языку разрешается признанием неразрывного единства субстанции и функции. При этом учитывается, что «чисто функциональные характеристики в отличие от атрибутивных безразличны к материалу, не вытекают из его особенностей, обусловлены целиком внешней ситуацией» (Розов, 1977, 46), но подчеркнем, что язык в этом отношении кардинальным образом отличается от прочих объектов. Познающий субъект в своей деятельности представляет язык в познании то как субстанцию, то как атрибут, то как функцию. Язык как объект существует и независимо от человека, отделенный от него и материализованный в речи, и в то же самое время он существует в человеке, материальный в процессах, протекающих в мозге, и идеальный как один из продуктов мозговой деятельности наряду с мышлением в их взаимодействии.

Трудности определения языка усугубляются тем, что язык (опять-таки как ни одно другое явление) выступает как средство исследования самого себя, т. е. выполняет одновременно роль и объекта, и инструмента исследования. Инструментальная роль языка затрудняет отчленение субстанциальных характеристик языка от функциональных.

Следует также обратить внимание на отличие одних функциональных определений языка от других, например, определений типа «язык — это средство общения» и типа «русский язык — это средство межнационального общения в СССР». Различие между этими определениями не в лежащих на поверхности родо-видовых отношениях, а в соотношении сущностных и функциональных характеристик у дефинируемых объектов. В первом примере они слиты воедино, а во втором разобщены, и функциональные характеристики выступают на первый план, поясняя, где и как функционировал данный конкретный язык. Различие определений этих двух типов осложняется еще и тем, что литературный язык, как отмечает М. М. Гухман: «...на определенном этапе развития общества... становится универсальным средством общения» (Общ. языковед., 1970, 511) и, следовательно, отождествляется с языком вообще не только его носителями, но часто и исследователями (см. Гухман, 1977, 5—11). Отмеченное различие регистрируется многими, так, например, Ю. Д. Дешериев пишет, что «сущность функционального развития языка вытекает из его коммуникативной функции — важнейшей функции языка, определяющей во многом его природу» и что «общественные (социальные) функции языка представляют собой конкретную реализацию коммуникативной функции в той или иной сфере человеческой деятельности» (Дешериев, 1977, 26, 27); в этих словах уже намечено некое иерархическое соотношение функций.

Два типа функций в ряде работ представлены как противопоставление функций языка и форм его существования (М. М. Гухман, В. А. Аврорин и др.), коммуникативной функции и целой шкалы общественных функций (Ю. Д. Дешериев и др.), функций языка и функций речи (А. А. Леонтьев и др.) и т. д. Однако природа этого различия все же оставалась недостаточно